

18+

Нина Майорова

О РОДИНЕ, ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ...

Воспоминания, рассказы, стихи

Нина Майорова

О Родине, времени и о себе...
Воспоминания, рассказы, стихи

«Издательские решения»

Майорова Н.

О Родине, времени и о себе... Воспоминания, рассказы, стихи /
Н. Майорова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830150-6

Эта книга для тех, кто хочет знать, как мы жили в советские годы. Что было тогда плохого, а что хорошего. Как часто, уже состарившись, жалеешь, что не выпросила у родных что-то важное о семье, о родне, о том, как это все было тогда: революция, Гражданская и Великая Отечественная войны и так далее. Я решила написать о том, чему свидетелем я была и что запомнилось мне из воспоминаний старших. Это будет откровенный и доброжелательный разговор о жизни, о времени и о себе.

ISBN 978-5-44-830150-6

© Майорова Н.
© Издательские решения

Содержание

Воспоминания	7
Семейные истории. По воспоминаниям Ольги Рубальской (Тарелкиной)	10
Воспоминания Татьяны Николаевны Хлоповой и Галины Николаевны Лукиной до замужества Тарелкиных	18
Бывают ли на свете чудеса?	21
Мамины рассказы	22
Народная примета и вещий сон	24
Сочинение ко Дню Победы	25
Как важно быть смелым	26
Как важно быть дисциплинированным	27
Дорога домой	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

О Родине, времени и о себе...

Воспоминания, рассказы, стихи

Нина Майорова

© Нина Майорова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нина Николаевна Майорова – поэт и писатель, отлично владеющий русским языком, активный участник культурной и литературной жизни Москвы. обаятельная и милая женщина, искренняя и позитивная, сохранившая чистейший взгляд на мир.

Постоянный участник издательских проектов «Антология сетевой поэзии», «Антология короткого рассказа», «Живое авторское слово» и многих других... Экономическое образование помогает ей объективно оценивать реальность и быть математически точной в описании исторических событий.

Она пишет о природе, о Родине, о себе – обо всем, что ее волнует. Записи мемуарного плана интересны описанием существующей социалистической действительности с исторической точки зрения.

Стихи Нины Николаевны легки и просты по форме, но затрагивают душу. Она пишет и для себя, и для тебя, дорогой читатель. Сборник очень удачно структурирован автором: сначала идут повествования мемуарного плана и воспоминания, затем рассказы, сказки и стихи.

Надеюсь, что в ее произведениях ты найдешь созвучные твоей душе ноты, и откроешь книжечку еще и еще...

Приятного чтения!

Татьяна Помысова, Член МРСР

Эта книга для тех, кто хочет знать, как мы жили в советские годы.

Что было тогда плохого, а что хорошего. Но хорошего, на мой взгляд, было больше. Это – моя единственная книга, написанная уже в зрелые годы. Возможно, кто-то упрекнет меня, что я пишу о себе, но так делают многие, даже великие писатели. Книга – это слепок души (с).

Как часто, уже состарившись, жалеешь, что не выспросила у родных что-то важное о семье, о родне, о том, как это все было тогда: революция, Гражданская и Великая Отечественная войны и так далее.

Меня расспрашивать некому, а может быть, родственники еще не дожили до того возраста, когда это будет их интересовать. Но будет поздно.

Поэтому, я решила написать о том, чему свидетелем я была и что запомнилось мне из воспоминаний старших.

Эту книгу я с благодарностью посвящаю памяти моих горячо любимых родителей: Николая Ивановича и Елены Степановны Майоровых.

Дорогой читатель, надеюсь, что Вам будет интересна эта книга.

Это будет откровенный и доброжелательный разговор о жизни, времени и о себе.

Благодарю моих родных, сподвигших меня на написание этой книги:

Льва Петровича Матвеева,

Татьяну Николаевну Хлопову,

Галину Николаевну Лукину,

Ольгу Николаевну Рубальскую,

Александра Владимировича Майорова,
Анатолия Владимировича Тарелкина,
Владимира, Виктора, Надежду Державиных за моральную и материальную поддержку.

С любовью и уважением, Нина Николаевна Майорова

Воспоминания

Моя бабушка Надежда Васильевна Тарелкина, урожденная Фирсонова, родилась в небогатой семье. И хотя по рассказам была очень красивой, долго не могла выйти замуж. По преданию родители моего деда Степана Ивановича Тарелкина были довольно суровыми и даже жестокими. Потому-то в их дом матери не хотели отдавать своих дочерей, жалея их.

Раньше, не особенно считались с чувствами молодых, и, скорее всего моя бабушка попала в дом Тарелкиных – бесприданницей. Она была на год старше своего мужа, что не одобрялось ни в какие времена.

Фамилия «Тарелкины» произошла от прозвища, так как у них у первых на селе появились первые фаянсовые тарелки, тогда как на селе пользовались глиняной посудой:

мисками, плошками, горшками.

Однако, пара оказалась на диво красивой и прочной.

Молодая семья подалась на заработки в Санкт-Петербург, к деду, содержавшему большую семью – жену и шестерых детей и работающему дворником. Старшие учились в училище для простолюдинов, организованном П.А.Потехиным.

Преподавание там велось по программе гимназии. Многие из учителей были выходцами из привилегированных семей.

Заработанные дедом деньги частично отсылались отцу на село, чтобы построить отдельный дом для молодой семьи.

Однако, этими деньгами с согласия отца, воспользовался брат деда и когда во время революции дед вернулся на свою «малую родину» ему пришлось строиться на выселках, в четырех километрах от села, через реку. Дом этот дед построил своими руками, лишь немного помогали старшие мальчики. Дом стоит и поныне.

Когда началась война, мы с мамой, с братом и моими двоюродными сестрами – сиротами были в деревне у дедушки с бабушкой, в дальнем Подмоскovie.

Мой папа, Николай Иванович Майоров, будучи военным служащим, каким-то образом вырвался в деревню, чтобы отправить нас в эвакуацию. Он предложил и бабушке с дедушкой ехать с нами.

В то время большинство людей были верующими. Но наша бабушка была настолько набожной, что соседи считали ее святой. И вот, помолившись и загадав сон, она легла спать, а наутро говорит: «Никуда мы отсюда с дедом не поедem. Немца здесь не будет». И рассказала свой сон. Я его передам, как помню с рассказа мамы.

– Вот стою я на крыльце, – говорит бабушка, – а перед домом глубокая – преглубокая и длинная – предлинная яма, на другой стороне стоит немец, а я думаю: «Нет, голубчик, тебе через эту яму не перебраться...»

Брат же, которому в то время было шестнадцать лет, несколько по – другому рассказывал этот сон. Будто, на другой стороне этой ямы показалась сначала одна девочка (диво), а потом другая и обе исчезли. Это означало два дива, что немец пришел, но не дошел... И еще брат удивлялся, как неграмотная бабушка могла описать настоящий противотанковый ров.

Самое интересное, что ее предсказание сбылось. В округе – километрах в пяти – шести от нашей деревни были передовые отряды немцев – разведчиков, а к нам они не попали. Вот такие чудеса бывают в жизни.

Из деревни в Москву мы ехали на «Эмке» и видели кружащие над нами зловещие немецкие самолеты, слышали их ужасный вой. Жуткий страх от гула самолета преследовал нас и по окончании войны, когда летали только наши, краснозвездные самолеты. В Москве мы пробыли несколько дней. Помню темные бумажные шторы, сигнал тревоги из черной тарелки репродуктора. Мама бросалась одевать нас, троих малышей, а пока она нас одевала, давали

отбой. После этого, мы, малышня, услышав тревогу, бросались под большой обеденный стол, там было спокойнее, и продолжали играть в куклы.

Из Москвы в Пензу мы ехали крытой грузовой машиной. На ночлег останавливались в селах, где сердобольные женщины поили нас чаем и угощали, чем Бог пошлет. При этом расспрашивали: «Неужели все это ваши дети?» Мама объясняла, что сын и дочь – ее, а вот две девочки – дети брата, сироты, поскольку их мать умерла в роддоме. Женщины ахали, вздыхали, может быть, задумывались и о судьбе своих мужей и сынов, ушедших на войну.

Однажды, одна старушка, услышав рассказ мамы о сиротах, сказала: «Вот попомни мои слова, все твои с войны вернутся, так как ты сирот в беде не оставила». Мама вздохнула: «Вряд ли это случится, такая война...» Однако, это предсказание сбылось.

В войне участвовали все мужчины нашей семьи: папа и оба брата. Старший брат, окончив десятилетку, поступил в военное артиллерийское училище, которое было переведено в Пензу, куда мы и ехали. Второй брат ушел на фронт добровольцем в семнадцать лет, окончив училище в Уфе. И все они вернулись с войны. Погиб только один мой двоюродный брат – Виктор Кулевский, совсем еще мальчик, папин племянник. В маминой семье все братья и сестры остались живы.

Когда в 1942 году немец был отброшен от Москвы, мы вернулись. И вновь, на лето были отправлены в деревню все трое: Таня, Галя и я. В деревне нас радовало все: пушистая черно-белая кошечка. «Ой, бабушка, какое красивое платьице надела кошка!»

«Как же, она вас ждала, вот и нарядилась...» «Ой, какие красивые маленькие ягнятки! Как их зовут?» – «А это Таня, Галя и Нина», – улыбалась бабушка.

Умная и красивая корова – почему-то Танька. С родителями в деревне жила их старшая дочь Анна. Она нам казалась строгой и сердитой. Может, потому, что у нее была неудачная жизнь, но об этом потом... А тут, не сговариваясь, мы стали звать корову Анькой. Когда мы шалили, чтобы нас остановить, бабушка тихо, но строго говорила: «Вот вас касатик заберет!» И мы затихали. Хотя, до сих пор так и не знаю, кто это такой. Тем более, что порой, лаская нас, она приговаривала: «Ах, вы мои касатики». Я не помню, чтобы бабушка, хоть раз, повысила на нас голос, а тем более накричала. Дед ворчал, а тетя Аня могла и наподдать...

Как-то, возле леса остановился цыганский обоз. Нас не отпускали от дома, поскольку, как сказала бабушка, «цыгане десант высадили».

Когда мы уже учились в школе, на лето мы вновь и вновь приезжали к бабушке и дедушке в деревню. Мы уже знали, что у Пушкина была старая няня, которая рассказывала ему интересные сказки. Поэтому, устав от беготни и уличных игр, чтения и посильной помощи старшим, мы хором просили бабушку рассказать сказку. На это она нам отвечала, что сказок не знает, а расскажет быль. И рассказывала нам, не звавшим Бога, как Христос по воде ходил, аки посуху, как он семью хлебами и рыбой накормил огромное количество народа. Мы воспринимали это все равно, как сказку. Моя неграмотная бабушка отличалась замечательной памятью. Как рассказал мне потом старший брат, в свое время в колхозе вели антирелигиозную пропаганду, и он очень удивлялся, почему это верующая бабушка так спешит на эти занятия. Оказалось, что председатель колхоза – грамотный Трофим Емельянов просто — напроосто читал Библию, а потом говорил: «Все это, бабоньки, неправда, все это – вранье». А старушки оставались при своем мнении и только воскрешали в своей памяти страницы Библии.

Володя, мой старший брат, когда я уже выросла, рассказывал много историй о своем житье в деревне, как он с младшим братом обрезал неспелые яблоки наполовину, как вместо табака набивали трубку дохлыми мухами деревенскому портному – пьянице.

В моем детском мозгу сложилось тогда неправильное представление, будто в деревнях живут только бабушки и дедушки, а в городах – родители с детьми. К сожалению, в наше время это почти верная картина.

Когда мы жили в деревне, время от времени к нам приезжал мой папа на «Эмке» и катал нас и всех деревенских ребятишек на машине, ведь тогда это было такой редкостью.

Я помню, как в послевоенной деревне пахали поле плугом на лошадах, как дедушка сеял пшеницу, шагая в лаптях по полю и разбрасывая семена горстью из соломенного лукошка – севка... Помню, что ригой называли огромный сарай, где сушили снопы, молотили и веяли хлеб, а не город, о котором я узнала позже в школе. Вот, оказывается, какая я уже старая...

Сколько помню себя, бабушка с дедушкой вставали чуть свет, а ложились за полночь. Когда мы приезжали в деревню, бабушка хлопотала по дому: то возле русской печи с тяжелыми горшками и ухватами, то обихаживала скотину и огород. Иногда мы ей помогали: пололи картошку, собирали гусениц с капусты, ворошили и стребали сено, ходили за водой к колодцу с жестяными ведрами, рвали в лесу траву для вечерней дойки коровы, которую бабушка всегда подкармливала при этом. Рвать траву с других угодий не разрешалось, так как они принадлежали колхозу. Иногда помогали пасти скот пастуху. Но это поручалось только бойкой и ловкой Гале. Слыша с вечера разговор взрослых, что надо зарезать овцу, мы хором просили: «Не надо! Не надо!» Так нам было ее жалко. Зато поутру, когда нам давали тушеную картошку с мясом, мы дружно ее уплетали и нахваливали: «Как вкусно!», а сейчас ее считают вредной едой.

Еще за столом у нас была такая забава: тогда не было сахарного песка и рафинада, в сахарнице всегда подавался к чаю сахар, мелко наколотый дедом. Не помню, чтобы нас ограничивали в сахаре, но мы придумали пить чай «вприглядку», а после, вылезая из-за стола, охотно съедали сэкономленный сахар. Так было не то чтобы вкуснее, но интереснее.

Когда мы с сестрами учились в восьмом классе, бабушку парализовало. Основная забота по уходу за ней легла на дедушку Степана и их старшую дочь Анну. Нам поручали поить ее с ложечки и отгонять назойливых мух. Хотя бабушка была парализована, речь сохранилась. Она говорила нам: «Вот лежу я здесь, как обрубок, а кругом такая красота (про сад), что и умирать не хочется!»

Думаю: «Их всю жизнь учили и они в это верили, что их ждет загробная жизнь, а ей все равно хотелось жить на этом свете. Что же тогда говорить о нас, которые и хотели бы верить, да все сомневаемся...»

Семейные истории. По воспоминаниям Ольги Рубальской (Тарелкиной)

Я хочу рассказать о семейных историях моей тети Елены Майоровой (в девичестве Тарелкиной).

Елена Степановна Майорова – из крестьянской семьи дальнего Подмоскovie – села Большие Бельнички. Село Бельнички находится на границе Московской и Рязанской областей. Оно одно время входило в Рязанскую область, в настоящее время находится в составе Московской области.

Прежде всего, в семье существовал вопрос: почему фамилия у крестьян Тарелкины. Ведь в крестьянских семьях тарелками вообще не пользовались. Один из простых ответов. Кто-то привез из города тарелки и их стали использовать. Но это, маловероятно, т. к. для еды использовалась одна большая миска или ладья (деревянная). (Все знают роскошную деревянную ладью с росписью народных умельцев, например, хохломскую, к которой прикладывается набор деревянных ложек). В неё наливался суп или накладывалась каша. По команде старшего в семье все начинали есть из одной посуды – большой миски. Этот обычай просуществовал вплоть до начала 20 века. Фамилии же давались крестьянам в основном в пятнадцатом веке.

В качестве другой гипотезы выдвигается следующая версия. В средние века писались жалобы царю. За эти жалобы можно было получить наказание. Вплоть, до казни. Особенно не поздоровилось бы зачинщикам, т.е. тем, кто подписывался первым в жалобе. Поэтому была придумана особая подпись, при которой нельзя определить, кто первый поставил подпись – это подпись по кругу жалобы. А крестьяне, подписавшиеся по кругу, стали называться тарелщиками. Может быть происхождение фамилии связано именно с этим, т.е. жалобщики. (Талер – это немецкая монета круглой формы. Тарелки – это посуда, имеющая форму талера).

Семья моего деда была по крестьянским понятиям довольно зажиточная. Мой дед Степан Иванович – был вторым сыном в семье. Дом, в котором он родился, должен был достаться старшему брату. Дед решил накопить деньги и построить дом. Для этого он отправился в столицу Санкт-Петербург.

Сначала дед устроился на работу дворником, но вскоре дослужился до управляющего доходными домами на Надеждинской улице (ныне улице Маяковского). Он смог дать всем детям образование. Дочки окончили гимназию, а сыновья реальные училища. После революции, спасаясь от голода и холода, он пешком, вместе с семьей вернулся в родное село. (Возможно, быстрое бегство из Петербурга было обусловлено и другими причинами. Как теперь известно, все управляющие были на службе в полиции. Они должны были доносить о неблагонадежных жильцах. Возможно, дед спасался еще и от репрессий). Добирались несколько недель на перекладных. На поезда невозможно было попасть. Вернувшись, он вместе с еще несколькими крестьянами ушел на поселение. Основал новую деревню – Татины. Она находится на красивейшем берегу реки Осетр (приток Оки) в четырех километрах от Бельнички. Было построено на скорую руку 10 домов.

У деда было шестеро детей: Кузьма, Анна, Елена, Николай, Владимир и Вера. Кузьма был старшим сыном. Он говорил, что мать родила его в поле на меже. Кузьма окончил коммерческое училище и был коммерсантом. В дореволюционные годы в Санкт-Петербурге были в моде различные эзотерические учения. Кузьма увлекался учением Блаватской и хиромантией. Однажды он, посмотрев на руку своего приятеля, сказал, что тот умрет через полгода. Что и произошло. После чего Кузьма почти перестал заниматься предсказаниями. Но иногда просил посмотреть руку и говорил только хорошее, либо ничего не говорил. Во время революции он примкнул к большевикам. Сражался в Красной Армии под Мурманском. Рассказывал,

что чудом остался жив. Его отправили с депешей в штаб. Когда вернулся, то оказалось, что его дивизия была разгромлена английским десантом и практически все погибли.

Приблизительно в 1920—21 годах ему устроили проработку на партийном собрании за его увлечение эзотерическими учениями (наверное, кто-то донес или он сам не скрывал) и его исключили из партии. Хорошо, что это было в 20-х годах, а не в 30-х, тогда бы точно посадили. Впоследствии он снова вступил в партию. И репрессии его не коснулись. Большую часть жизни проработал в торгпредстве.

Считается, что в молодости Кузьма был несчастно влюблен, поэтому он женился довольно поздно в 40 лет. Имел сына Александра. Саша окончил радиотехнический факультет авиационного института и всю жизнь проработал по специальности. Последнее время работал в лаборатории точных измерений министерства цветных металлов. Задача лаборатории состояла в том, что нужно было придумать сверхточные измерительные приборы. В основе изобретений сверхточных приборов очень часто лежали так называемые физические эффекты. Как правило, результат физических эффектов не вписывается в общую теорию физики. (Образно можно назвать физические эффекты, не вписывающимися в общую теорию физики, паранормальными явлениями). Большой опыт работы с физическими эффектами привел Сашу к выводу, что надо менять теорию. Последние годы жизни он был одержим работой над формулировкой новых физических законов. Вернее, не новых, а старых, но уточненных и детализированных. У него было много сомнений, т. к. он не считал себя каким-то особенным и почитал авторитеты в области физики. На каждую свою догадку он пытался найти подтверждение у своих коллег физиков. И когда находил, был очень рад. В частности, одним из его открытий было – ошибка в теории относительности Эйнштейна. Подтверждение этой ошибки он нашел потом у нескольких авторов. В трудные времена распада СССР лаборатория лишилась финансирования, и пришлось искать новых заказчиков. Одним из таких заказчиков стал вино-водочный завод «Кристалл». Лаборатория разработала систему точных измерений технологии изготовления водки и в течение десяти лет «Кристалл» работал с этой системой, а мы угощались разливным коньяком, которой Саша покупал на территории завода. Позже лаборатория почти совсем не имела заказов, и мы ему предлагали устроиться преподавателем в институт на кафедру физики, тем более, что такая возможность была. На что Саша отвечал категорическим отказом: «Я не смогу преподавать студентам классическую физику по программе. Со многими постулатами я не согласен. Они не верны». В последние годы жизни, в возрасте шестидесяти семи лет, он освоил с нуля вузовский цикл информатики и стал хорошим преподавателем в институте. В личной жизни Саша в какой-то мере повторил отца. В молодом возрасте в институте был влюблен в свою однокурсницу армянку, которая предпочла другого. Саша был умен, образован, тактичен, красив (высокий блондин с чуть выющимися волосами, в старшем возрасте напоминал Шаляпина) и несколько вальяжен. Он очень хорошо одевался и нравился многим девушкам и женщинам. Его много раз знакомили, но он так и не создал семью. Он был однолюб. Разбирая старые фотографии, оказалось, что фото его девушки и девушки его отца удивительно похожи. Это были брюнетки восточного типа с тонкими чертами лица.

Анна была старшей дочерью и родилась в деревне. Дед, обосновавшись в Петербурге, привез семью и определил Анну в гимназию. Бабушка всю жизнь, прожившая в деревне, купила на ярмарке, как ей казалось, очень красивое платье для учебы. Когда Анна пришла в гимназию в этом платье, то одноклассники сразу прозвали её «деревенщиной». Платье не соответствовало Санкт-Петербургской моде. Анна сразу решила – ну я вам покажу. И решила стать первой ученицей. Что она и сделала. Что она придумала – в дополнение к тому, чтобы прилежно выполнять домашние задания, она учила предмет на две станицы больше заданного. В результате, когда учитель объяснял новый материал, она его уже знала и всегда первой отвечала на вопросы учителя. Блестяще окончив гимназию, она решила получить выс-

шее образование. В России в то время в университет женщин не принимали. Для получения высшего образования для женщин был всего один путь – окончить «Высшие женские курсы». Обучение было платное, и дед сказал, что на гимназию меня хватило (гимназия тоже была платная), а дальнейшее образование оплачивайте сами. На курсах было три бесплатных места, которые оплачивали меценаты. Анна блестяще сдала экзамены и получила возможность обучаться бесплатно. Таким образом, она получила высшее образование, что было в дореволюционной России большой редкостью.

После окончания курсов она работала, а потом, как считалось, удачно вышла замуж за коммерсанта – Германа Протца. Он был прибалтийским немцем. На самом деле он был полукровка: наполовину немец, наполовину эстонец. Выйти замуж за немца считалось престижным, ведь вся царская семья, хотя они считались русскими, были практически немцами. На протяжении многих веков все российские престолонаследники женились на немецких принцессах. Интересно воспоминание о Германе, который приехал к деду в деревню Татины. Каждое утро Герман в огороде делал гимнастику. После того, как он уехал, соседи спрашивали у деда, какой он веры. О гимнастике никто не имел понятия. И все думали, что Герман поклоняется каким-то неизвестным богам.

В трудные послереволюционные годы Герман Протц с семьей решил вернуться в Прибалтику. Где его отец владел магазином, в одном из городков Эстонии. Приняли их очень враждебно. Одной из причин вражды было то, что Герман был женат на русской. И они вынуждены были оттуда быстро бежать назад в Россию. В 1991 году, когда Прибалтика отделилась от России, я спрашивала Иру (дочку Германа), что будет с русскими. Она сказала – ясно, что будет, вот почитай. И дала мне письма матери того времени.

Причину враждебности мне трудно объяснить ведь эстонцы (чухонцы) непонятно когда были независимыми. До завоевания Прибалтики Петром Эстония принадлежала шведам. Но шведы, как я с удивлением узнала, побывав на экскурсии в Таллине, считали чухонцев низшей расой. В центральную часть Таллина, огороженную крепостной стеной, им вообще запрещалось входить. А в окрестности им нельзя было ходить по узким тротуарам, если рядом проходил швед. В лютеранских церквях на стенах находятся надписи с похороненными там знатными людьми. Это сплошь немецкие и шведские фамилии. Ни одного эстонца. Похоже, что знати среди эстонцев не было вообще.

Один мой знакомый, муж моей подруги, помнит, как его эвакуировали из Таллинна в 1941 году. Ему было 4 года. Его отец работал главным инженером на заводе. Немцы были близко. Уже было ясно, что оставаться в городе опасно, но он пошел на завод. Его тут же убили. За семьей приехал грузовик. И он помнит, как они ехали по улицам сплошь уставленными столбами с повешенными русскими. Это эстонцы приготовили подарок для наступающих фашистов. Я раньше думала, что с русскими расправились немцы, а оказывается это эстонцы устроили массовую резню. Похожие воспоминания я слышала и от других очевидцев.

У Анны были две дочери. Одной дали русское имя Ира, но в паспорте записали национальность – немка, а другой немецкое имя Ида, а в паспорте записали русская. У Иды никогда не было проблем с властями. Она вышла замуж за инженера, который впоследствии занимал хорошие должности и был достаточно обеспечен, родила двух детей и жила в Ленинграде. А у Иры были проблемы из-за её национальности. В начале войны Германа арестовали и сослали в лагерь. Он там с трудом выжил. В конце войны его сослали в Сибирь на поселение.

Ире с матерью было запрещено жить в Москве и Ленинграде. Ира поступила в Саратовский университет на химический факультет. Блестяще училась. Даже вроде бы получала повышенную (сталинскую) стипендию. При распределении она заявила на комиссии, что хочет, чтобы её послали в самую глушь. Так её и распределили. Она рассказывала, что когда ехала в эту деревню, шофер сказал, что это то самое место, где только общие бани. Оказалось, что действительно в этом далеком селе (вроде бы север Архангельской области) были общие

бани для мужчин и женщин. Но для Иры баню готовили специально в отдельный день. Ира была очень одаренным человеком и замечательным рассказчиком. Мы, её двоюродные сестры и брат не отходили от неё, когда она приезжала в Татины, замороженно слушали её рассказы. Неважно, о чем они были, – все было очень интересно. Впоследствии, она поселилась в Зарайске (за 101 км от Москвы), расположенном на берегу реки Осетр. Татины были в 20 км от Зарайска. Всю жизнь проработала в школе. Стала заслуженной учительницей СССР. Школу, где она преподавала, стали называть с химическим уклоном. Многие ученики школы впоследствии закончили химфак МГУ.

За несколько лет до смерти она нам рассказала о своих жизненных перипетиях. Оказывается, что в университете её завербовали в осведомители. Вызвали в КГБ и сказали, что твой отец в тюрьме, ты немка, хочешь, чтобы тебя, твою мать и сестру тоже посадили. Если не хочешь, то должна докладывать обо всем, что говорят студенты. Она согласилась. Конечно, докладывала только положительное, но настроение было ужасное. Поэтому Ира попросилась на распределении в самую глушь, надеясь, что её там не достанут. Что на самом деле и было, никакого КГБ в этой глуши не было. Вернувшись в центральную Россию, в Зарайск, к ней снова пришли из КГБ. Она должна была ходить на конспиративную квартиру и докладывать. Ира срочно вышла замуж. Это был план, он помог ей уйти от службы в КГБ. Она сказала, что, если я буду тайком от мужа ходить на квартиру, он меня будет ревновать и мой брак распадется. Оперативники после этого довода от неё отстали.

Ира была замужем три раза. Первый брак, скорострительно развалился сам собой, второй брак распался из-за матери (тети Ани), которая постоянно предъявляла претензии к Ириному мужу. Третий брак оказался счастливым. Ира вышла замуж в 50 лет за инвалида войны (он был без ноги), который был старше её на 10 лет. Она ушла на пенсию в 50 лет (для педагогов пенсия в советское время назначалась на 5 лет раньше). Пенсионных денег им хватало, и они вместе с мужем стали путешествовать по центральной России. Он увлекался фотографией и писал статьи в журналы и газеты. Ира сказала, что это было самое счастливое для неё время жизни, до тех пор, пока они не стали болеть. Я её спросила, почему она так рано ушла на пенсию. Ирина – заслуженный учитель СССР, завуч, любимица учеников. Она ответила: «Последнее время руководство стало настаивать на фальсификации успеваемости. Ставить тройки, вместо двоек и т. д. Мне с этим тяжело смириться».

Елена, (моя тётя) родилась в Санкт – Петербурге. Окончила гимназию. Знала несколько языков. Тётя Лена всю жизнь была очень красивой. Это не только моё мнение. Об этом свидетельствуют многие мои знакомые и родственники. Женская гимназия, в которой она училась, находилась под патронажем императрицы. И однажды она приехала в гимназию. Конечно, к этому приезду очень готовились. Нужно было выбрать самую красивую девочку славянской внешности, которая бы преподнесла цветы императрице. И этой девочкой оказалась Елена. Немаловажным фактом оказалось то, что она имела прекрасный цвет лица. Не бледный, характерный для петербуржцев, а яркий, с нежно – розовыми щеками. Розовые щеки – это одна из особенностей породы людей из села Бельнички. Я там встречала не раз таких людей. Причем не только у женщин, но и у мужчин. Мой папа до тридцати лет тоже имел розовые щеки. Он очень по этому поводу переживал и даже при обследовании спросил у врача, что ему делать. Врач ответил, не беспокойтесь, молодой человек, с возрастом это пройдет.

Моя тётя вышла замуж рано за боевого офицера Красной армии Николая Ивановича Майорова. Службу он начал еще в царской армии в 1914 году. Получение офицерства в царской армии давало сразу право на получение дворянства. Николай Иванович был из простой семьи, стал офицером во время первой мировой войны. Он служил в конной армии и, говорят, пришел свататься в Елене на боевом коне с шашкой наперевес. Они прожили счастливо всю жизнь. Они имели четверых детей. Две девочки и два мальчика. Первая дочка умерла от воспаления легких. Второй дочкой была Нина. Мальчики Виктор и Володя были воспитаны в патри-

отическом военном духе. Виктор, когда ему исполнилось восемнадцать лет ушёл добровольцем на фронт, а после войны закончил военно-политическую академию им. В. И. Ленина и после выхода в отставку стал преподавать политэкономии в одном из ВУЗов. Владимир в начале войны окончил артиллерийское училище и защищал небо Москвы от налетов фашистских самолетов. А после войны окончил артиллерийскую академию им. Ф. Э. Дзержинского, где и стал преподавать тактику, защитив кандидатскую.

Дядя Коля был очень веселым и искрометным человеком, постоянно шутил. Тётя Лена была очень доброй и заботливой. Эта забота проявлялась не только по отношению к детям, но и по отношению к родственникам. Мой папа, младший брат тёти Лены, несколько лет жил у них в семье пока учился в техникуме. Тетя Вера, младшая сестра тёти Лены, тоже постоянно находилась под её патронажем. Во время войны тётя Лена взяла под свою опеку детей своего брата Николая (Таню и Галю), у которого скорострительно скончалась жена. Таня и Галя до сих пор считают её своей второй мамой. Долгое время, пока родители Нины были в силе, их семья была центральной в семье Тарелкиных. Тётя Лена и дядя Коля Майоровы были хлебосольными и гостеприимными хозяевами и по праздникам собирали родственников у себя дома.

Николай – мой отец – родился в Санкт – Петербурге. Когда пришло время, дед отвел его в школу в первый класс. И в установленное время пришел за ним, но не нашел. Стал искать. Оказалось, что маленький Коля перепутал классы и пришел во 2-й класс. Во втором классе в первый день учебы проводились контрольные – по математике и диктант по русскому языку. Со всеми контрольными маленький Коля справился. И учитель предложил деду оставить Колю во втором классе. Не хватало только подготовки по закону Божьему. Нужно было выучить несколько молитв.

После окончания реального училища, Николай решил поступить в строительное училище на отделение гидравлики, тогда очень модным считалось направление гидроэнергетики. И он хотел строить гидроэлектростанции. После окончания училища он строил гидроэлектростанцию в Кабардино-Балкарии в Баксанском ущелье (план «ГОЭЛРО»). Затем (1936—37гг). Николая пригласили работать в «Аэропроект», организацию занимающуюся строительством аэродромов. И он всю жизнь проработал затем в этой организации. Построил десятки аэродромов по всей стране. Исколесил всю Россию. Во время войны строил пересадочные аэродромы в Сибири. В 1942 году между СССР и США был заключен договор о поставке в СССР военных самолетов. Поставка могла быть осуществлена только через восток (на западе шла война). А самолеты не могли преодолеть в то время большие расстояния без дозаправки. Для этого нужны были пересадочные аэродромы.

И, конечно, папа был знаком с некоторыми известными летчиками, в частности с Марией Расковой. Дружил с Борисом Бугаевым, в то время, когда он был обычным летчиком. (Впоследствии, он стал министром гражданской авиации СССР и главным маршалом авиации). Папа принимал участие в строительстве аэропорта Домодедова, аэропорта в Улан-Баторе (Монголия), аэропорта в Кабуле (Афганистан).

Для строительства аэродрома в Кабуле король объявил конкурс. В конкурсе участвовали Англия, Франция и СССР. Наши представители были направлены в Кабул, в том числе и папа. Они проводили изыскательские работы и делали проект. Проект СССР победил. (Наверное, он был самым дешевым). Король Афганистана устроил для участников конкурса королевский прием. Представители Англии и Франции выражали свое уважение нашей делегации. И говорили, хотя русские не сильны в языках, но их проект оказался лучшим. (Действительно наших перед поездкой в Афганистан приблизительно 4—5 месяцев обучали английскому языку). Никто не предупредил наших инженеров, как вести себя на королевском приеме. Сначала был первый зал с обильными закусками. Потом король встал, щелкнул какой-то палочкой и пригласил всех во второй зал. Во втором зале было по-нашему второе. Этот зал наши инженеры тоже спокойно выдержали. Затем король встал, щелкнул палочкой и пригласил всех в третий зал,

а потом, после третьего зала пригласил всех в четвертый. И не обошлось без конфуза. Один из инженеров так объелся, что его пришлось госпитализировать. Николай об этом рассказывал без жалости к потерпевшему. Этот инженер был очень жадным и всех своих товарищей, как говорят, достал.

Николай женился довольно рано для Тарелкиных в 30 лет. Его жена Наташа была дочкой профессора русского языка и литературы. Она родила ему двух близнецов Таню и Галю. Позвонила из роддома, что её выписывают завтра. На следующее утро Николай приехал встречать жену, но оказалось, что она ночью умерла – послеродовой тромб.

Как кормить, и кто будет ухаживать за новорожденными, никто не знал и девочек отдали в дом малютки. Конечно, их навещали. Через полгода Кузьма вместе с папой при очередном посещении заметили, что девочки очень слабы и решили их забрать.

Кузьма организовал родственников для их воспитания. Сначала с ними вроде бы сидела Вера, младшая сестра Кузьмы и Николая. Ей за это платили. Затем девочки жили у Кузьмы вместе с его женой и сыном Сашей. Тётя Маруся, очень хотела оставить девочек себе и удочерить. А во время войны девочки воспитывались вместе с Ниной в доме моей тёти Елены. Сёстры жили там вплоть до того, как Николай женился во второй раз. Девочки, можно сказать, спасли отца. Он был во время начала войны призывного возраста. Практически все, кто был призван в 41 году, погибли. Папу не призвали, т.к. он был единственным кормильцем в семье. В 42 году стали призывать всех подряд. Но тут договор с США о поставке самолетов. И папа начал строить аэродромы в Сибири.

Самым непонятным в этой истории является поведение семьи Наташи – первой жены папы. У Наташи были мать, отец и сестра. Почему они почти не принимали участие в воспитании девочек? Мать Наташи, через несколько месяцев после рождения близнецов покончила жизнь самоубийством. (Вроде бы она бросилась под поезд). До конца ничего неизвестно, но есть версия, что Иван Яковлевич, отец Наташи, стал изменять жене. И это стало известно не только близким, но даже обсуждалось в прессе. Т.е. измена превратилась в публичный скандал. И это послужило причиной самоубийства. Про сестру ничего неизвестно, кроме того, что она вышла замуж за ответственного работника. После войны он служил в Германии, а затем был главным инженером завода в Ленинграде. Детей у них не было. После войны они навещали девочек и дарили им великолепные платья, привезенные из Германии.

Иван Яковлевич, на вид был похож на академика Лихачева, интеллигент до мозга костей. Преподавал дикцию ведущим центрального телевидения. Принимал участие в составлении словарей русского языка. И дарил внукам пустые коробки из-под конфет. После войны женился на Марии Шахназаровой. Шахназарова – это фамилия по её бывшему мужу, который был видным ответственным работником в министерстве авиационной промышленности. Когда у Марии родился внук, Иван Яковлевич стал настоящим дедом. Очень трогательно возился с приемным внуком. Но почему-то родные внуки его не интересовали совсем.

Николай женился во второй раз после войны на Татьяне Ильиничне Хохловой. Семья Хохловых была большая и дружная. Но об этом отдельная история. Татьяна окончила педагогический техникум перед войной и её распределили учительницей в Бурят-Монголию, в одно из сел, находящихся на границе с Китаем. Наполовину село было бурятское, наполовину русское. Её поселили в дом цыганки. В долгие зимние вечера цыганка научила Татьяну гадать. Конечно, все это воспринималось как шутка, но впоследствии это стало иметь значение. После возвращения из Бурят-Монголии вскоре началась война. Татьяна эвакуировалась вместе с московскими школьниками на Урал. Она была учительницей и воспитателем. У хозяйки, у которой она поселилась, сын и муж были на фронте. И хозяйка постоянно переживала, живы ли они, особенно если долго не было писем. Татьяна старалась её поддержать предлагала погадать и сказать что-нибудь хорошее. Как оказалось, Татьяна хорошо предсказывала, когда придет письмо. Но однажды, от мужа хозяйки очень долго не было писем, и Татьяна ей нагадала.

Твой муж приедет завтра к 10 часам. Хозяйка верила предсказаниям Татьяны. Она встала рано утром и напекла пироги. Ждала до 10 часов. Потом ушла на работу. В 13 часов муж вернулся на побывку. Как он сказал, что он должен был приехать действительно к 10 часам, но переправу через реку разбомбили, и это его задержало на 3 часа. Это стало известно в селе. Еще бы, мало кто бывал на побывке дома во время войны. И тут такое предсказание с точностью до 3-х часов. И еще был один случай. Председатель колхоза получил уведомление о призыве в армию. Председатель был уже солидного возраста, при котором в начале войны, не призывали в армию, а потом стали призывать. Перед отъездом он заехал к Татьяне и попросил погадать, вернется ли он с фронта или нет. Татьяна разложила карты и сказала, что он воевать не будет. На следующий день председатель вернулся в колхоз. Оказывается, вышел приказ председателей колхозов не призывать в армию. И тут началось, потянулись вереницы повозок из соседних сел с просьбой погадать. И Татьяна испугалась, боялась, что могут посадить. Гадала только хозяйке. После войны сын и муж хозяйки вернулись с фронта. Когда мы спрашивали мою маму, как она это делает (предсказания по картам). Она отвечала: не знаю, просто я вижу.

Галина, дочь Николая – моя сводная сестра пошла по пути отца. Окончила сначала строительный техникум, а затем вечерний строительный институт. Два раза была замужем. От первого брака была дочь Маринка, которая умерла в возрасте 12-ти лет от рака крови. Это была трагедия не только для Гали, но и для всей семьи. Каждый искал причину, и считал, что он в чем-то виноват в этой трагедии. От второго брака у Гали родилась дочь Светлана. В настоящее время Галя имеет двух красивых внуков: Алексея и Данилу.

Татьяна, дочь Николая и также моя сводная сестра окончила московский авиационный институт. Вышла замуж за Бориса Хлопова. Имеет двух замечательных дочек – Наташу и Катю, двух внуков Славика и Степана, а также трех правнучек. Борис оказался настоящим семьянином. Он является стержнем семьи, всем руководит и всех поддерживает. Борис тоже окончил московский авиационный институт. Всю жизнь проработал инженером в одном из НИИ. Занимается защитой информации. В сложные 90-е годы, когда в НИИ почти ничего не платили, он не ушел из НИИ (как сделали большинство инженеров) и продолжал там работать. Выжили за счет огорода, на котором растили картошку и овощи. И последние годы работы Бориса получили признание. Он защитил сначала кандидатскую, а затем докторскую диссертации. То, что сейчас в космос запускают ракеты, есть большая заслуга Бориса. Он и сейчас постоянно находится в командировках и занимается отладкой специальных космических систем.

Я – Ольга, младшая дочь Николая, в младенчестве была очень слабой девочкой, постоянно болела, но была при этом отличницей. Когда я немного подросла, стала заниматься спортом и перестала болеть. Я окончила Московский авиационный институт. Занималась всю жизнь вычислительной техникой и программированием. Защитила кандидатскую диссертацию. В настоящее время являюсь профессором кафедры Информационных систем. Одним из моих увлечений стали горные походы, где я и познакомилась с моим будущим мужем Григорием Рубальским. Григорий впоследствии защитил докторскую диссертацию по теории операций – раздел оптимальное управление запасами. Имеет дочь Анну, которая с отличием закончила психологический факультет Московского государственного университета. Анна вышла замуж и уехала в Австралию. У них родилась дочь – моя внучка, которую называли Дианой в честь английской принцессы, хотя сами они говорят, что это объединение их имен – Димы и Анны.

Владимир – младший сын деда. Дядя Володя в последние годы жизни работал в министерстве атомной промышленности и занимался расследованием причин катастроф, что конечно было очень опасно, т.к. в большинстве случаев это было связано с радиацией. Женился Владимир довольно поздно, ему было больше сорока лет. Тетя Шура была намного младше его. Тетя Шура была красивой брюнеткой, великолепно одевалась и всегда вела себя как светская дама. От этого брака родился мальчик – Анатолий. Он родился шестимесячным, и тетя

Шура постоянно переживала за его здоровье. Толик похож на тетю Шуру, он брюнет с карими глазами, и не похож на мужчин Тарелкиных, в основном, блондинов с голубыми глазами.

Толик был послушным, тихим мальчиком и хорошо учился. Он окончил московский авиационный институт. Сделал хорошую карьеру. У него очень красивая жена и двое симпатичных детей. В настоящее время он является единственным продолжателем рода Тарелкиных.

Вера – младшая дочь деда. Тетя Вера окончила экономический институт, и всю жизнь проработала экономистом в планово-финансовом отделе Совинформбюро, затем начальником отдела в АПН – Агенстве печати Новости. Вера довольно поздно (позднее 30-ти лет) вышла замуж за журналиста фотографа Алексея Державина. И сразу, почти подряд, родила троих детей Володю, Виктора и Надю. Владимир пошел по пути матери и окончил финансовый институт. Работал экономистом, финансистом. В настоящее время является предпринимателем малого бизнеса и занимается торговлей. У Виктора с детства проснулись творческие способности. Он окончил художественную школу, а затем Строгановское училище. Занимался художественным дизайном и живописью. Конечно, дизайн дает возможность ему хорошо зарабатывать, но и его живопись тоже нашла признание. Где-то в 1980—85-ом году я услышала по радио объявление – «На Кузнецком мосту в выставочном зале художников состоится персональная выставка Великого русского художника Виктора Державина». Да, оказалось, что так называли Виктора. Слава художника имела последствия. В начале 90-х годов, когда все рушилось, была мода на русских художников. И один из западных меценатов решил вложить в Виктора деньги. Ему предложили пансион 200 долларов в месяц. В обмен на это Виктор не имел права продавать свои картины. Все картины, которые он впредь напишет, должны были принадлежать меценату. На что Виктор согласился. И в трудные годы он жил вполне себе обеспеченно -200 долларов в то время были довольно большими деньгами. Виктор женат на художнице. Сейчас у него выросли дети, которые тоже занимаются дизайном и живописью. Надя, младшая дочь Веры, окончила Московский финансовый институт и всю жизнь проработала в разных организациях главным бухгалтером. У неё есть дочь Ольга и внук Максим.

Но самое интересное заключается в том, что всю свою жизнь дядя Леша говорил, что он прямой потомок того самого Державина, и что имеются какие-то письма, подтверждающие это. Эти утверждения дети воспринимали, мягко говоря, с усмешкой. Дядя Леша был участником войны, был контужен и иногда говорил странности. Он говорил, что его предок был 13 — ым приемным сыном Державина. Двенадцать детей было законных и один приемный. Якобы, ребенка подбросили к крыльцу Державина, и он его усыновил. Все законные дети Державина были графьями, а этот нет – он унаследовал только фамилию. Якобы в то время именно так делали с незаконными детьми вельмож. Легенда, легендой, но на похороны дяди Леши пришли его родные и двоюродные братья. Один из братьев оказался заслуженным художником СССР. Все тосты говорили стихами. И все они оказались членами дворянского собрания г. Москвы. Видно доказали, что являются прямыми потомками Державина. В свою очередь дворянское собрание стало тоже либеральным и в него стали принимать и незаконных потомков. Самое интересное, что у того самого Державина вообще не было детей. И прямым потомком дядя Леша быть не мог в принципе. Державины оказались потомками каких-то других Державиных.

Самым интересным мне кажется то, что многие из старшего поколения Тарелкиных и их потомки неплохо рисуют. Исключением является моя двоюродная сестра Нина Майорова, зато она пишет прозу и стихи.

Воспоминания Татьяны Николаевны Хлоповой и Галины Николаевны Лукиной до замужества Тарелкиных

Мы, Татьяна Николаевна и Галина Николаевна с младенчества не знали материнской ласки. Нас растили родственники отца: тётя Маруся – жена папиного брата Кузьмы, тётя Вера – сестра папы и тётя Лена – сестра отца и Нинина мама. Всем им мы благодарны за участие в нашей судьбе. Дольше всего мы жили в семье Нины – во время и после войны. Нас ничем не обделяли и даже одевали одинаково. Помним, что у всех нас троих были нарядные шерстяные тёмно-синие платица с тремя ложными, сшитыми из бордового шёлка и выглядевшими как сморщенные недосушенные вишенки, пуговками. А на зиму тётя Лена сшила всем нам одинаковые меховые шапки из дяди Колиной меховки, так как у Нины после скарлатины часто болели уши. Так что и зимой мы были в одинаковых шапках коричневого меха и были похожи на медвежат. Где-то даже сохранились фотографии, где мы в одинаковых платицах, а на другой – в одинаковых меховых шапках.

Забыли сказать, что мы с сестрой не близнецы, которые походят друг на друга, как две капли воды, а двойняшки: Таня похожа на отца, а я, Галя, на нашу маму Наташу.

До школы нам приходилось зимовать у бабушки с дедушкой в деревенской избе с русской печью. В доме было тепло, а на улице холодно. У дедушки была высокая деревянная кровать, сделанная им самим, как и построенная им с помощью сына Владимира изба пятистенка. Пятистенка – это значит, что помимо самой избы, где находится русская печь, есть ещё одна комната – горница, которой пользовались только летом, так как печка-голландка не была достроена и не топилась.

Нас удивляло, зачем у дедушки такая высокая кровать, что мы могли спокойно под ней играть, если бы нам разрешили. Но оказалось, что такой она была неспроста. Зимой отелилась корова и новорожденного теленка дед принес в избу и поместил к себе под кровать, постелив свежую солому. Потом этого телёночка поили из бутылки со сделанной из чистой ткани соской.

После войны, когда у отца окончились длительные командировки, нам уже исполнилось семь лет и пора было идти в школу, отец женился на тётке Тане. С ней он познакомил нас как бы невзначай, во время прогулки и мы все вместе пошли домой к деду Ивану Яковлевичу Блинову – преподавателю литературы в пединституте. Иван Яковлевич был отцом нашей умершей мамы. Он предоставил нам для житья две небольших комнаты в своей квартире на втором этаже деревянного дома на Божедомке.

Поскольку он нас не растил и практически не знал, он не испытывал к нам никаких родственных чувств и даже сердился, когда мы играя, случайно забегали в его комнату, которая была больше наших двух. Это и понятно, ведь она была у него и жилой и кабинетом для занятий.

Однажды, когда мы к нему забежали, он не рассердился и подарил Гале цветной карандаш, наверно потому, что Галя напомнила ему его дочь, ведь она была так похожа на мать, а мне нет. Это видела какая-то родственница или знакомая деда и отчитала его за то, что он сделал подарок только одной из сестёр. Вскоре после этой нотации дед позвал нас к себе и подарил каждой по одинаковой кукле.

Папа с тёткой Таней поженились, но мы продолжали её звать тёткой Таней. Вскоре в 1948 году у нас появилась сводная сестра Оля. Она была болезненным ребёнком, но тётя Таня управлялась с нами тремя.

Тогда почти не было недорогой, но красивой одежды в магазинах, т. к. только что кончилась война. Мы, в основном, ходили в школьной форме: коричневых платьях и чёрных передниках, а в праздничные дни вместо чёрных надевали белые фартуки. Говорят, что подобная форма была и в царской России. Форма была нужна потому, чтобы не очень выделя-

лись девочки из обеспеченных семей и менее обеспеченных. Тогда было раздельное обучение: девочки учились отдельно от мальчиков. У мальчиков тоже была форма подобная гимназий царской России: брюки и гимнастёрка или китель и фуражка.

Для нашей младшей сводной сестрёнки Оли одежду шила сама тётя Таня и её сёстры. Одежду шили на вырост, с запасом, чтобы её хватало не на один год. А нам это казалось смешно, когда Олю выводили гулять на улицу, закутанную не по росту. Мы её дразнили, она плакала, обижалась, и уже став мамой, как-то, припомнила все эти горести Нине, которая вовсе была ни при чём. Надо уметь прощать свои детские обиды.

Участие в нас принимала и тётя Шура – жена папиного брата дяди Володи и мама их сына Толика. Она каким-то образом была связана или с Домом моды или каким-то спецагентом и подарила нам с Таней красивые демисезонные пальто. Мы были рады и модничали в них, считая себя уже взрослыми.

Я, Галя, первой вышла замуж за студента. Он только учился и был отличником. А я и работала, и училась, а потом ещё и растила дочь. Вся наша жизнь проходила в деревянном доме-коммуналке вблизи станции метро Новослободская. Теперь от этих старых домов не осталось и следа. Муж успешно окончил институт и работал инженером. Но ему видно надоела однообразная семейная жизнь, да в тесных условиях. В одной небольшой комнате жили он, я, его мать и наша дочь Марина. Он стал погуливать и оставил семью.

Вскоре после развода Галя с дочкой получила комнату в отдалённом районе Москвы на улице Молдагуловой – это возле теперешней станции метро Выхино. В соседней комнате жила пожилая женщина, опять это была коммуналка.

Марина росла красивой и умной девочкой. После ухода из семьи отца она сразу повзрослела, в ответственной она была всегда. Училась на отлично. Об её требовательности к себе говорит то, что перед каждой контрольной работой – диктантом она просила меня, вернувшись с работы, продиктовать ей какой-нибудь текст, чтобы проверить свои знания.

Тогда, а может быть и сегодня, никто не может сказать, откуда берётся эта напасть – рак крови. Моя Марина тяжело заболела. Она почему-то заранее говорила: «Мама, я боюсь 13 лет». Я её успокаивала, что всем бывает 13 лет и мне тоже было 13. В этот год она не захотела ехать на юг в лагерь от моей работы и мы отдыхали в Подмосковье. Только мы отметили её день рождения, как она заболела по всем признакам ангиной. Попыталась лечить её известными мне средствами. Не помогло, температура осталась высокой, не снижалась. Вернулись в Москву, вызвали врача. Он подтвердил диагноз и выписал те же лекарства.

Всё бестолку. Положили в больницу, сделали пункцию спинного мозга и обнаружили рак крови (белокровие). Ей оставалось жить несколько месяцев. Тогда не умели лечить этот вид рака.

Мне одной было трудно дежурить возле дочки день и ночь. И мне на помощь пришли родственники. Дежурили поочерёдно и тётя Таня, и сёстры. Как-то днём дежурила Нина.

Марина самостоятельно уже не могла сесть в постели – её надо было поднять за подушки и усадить в подушки, а чтобы прополоскать ей горло, надо было поддерживать её голову, сама она не могла её удерживать. Как раз во время дежурства Нины, Марину навещил отец. Он покормил дочь супом, а оставшееся куриное мясо предложил съесть Нине. Нина боялась заразиться и боялась есть мясо из тарелки больной. Но с другой стороны ей не хотелось показать девочке, что та тяжело больна, и потому съела мясо. А потом долго мучилась, боясь тоже заболеть, ведь никто не знал, заразна ли эта болезнь и как она передаётся.

Перед смертью, когда я пришла к ней, она стала меня торопить: «Мама, скорей переодень меня, а то не успеешь. Расчеши мне волосы». Так и случилось. Это забыть невозможно. Как это она могла всё предчувствовать.

Через какое-то время я вновь вышла замуж за умного парня, но который ленился учиться и потому стал только квалифицированным рабочим, хотя его отец имел два высших образо-

вания. Вскоре у нас родилась дочь Света. Мы съехались с Володи. Он сдал свою квартиру, а я свою комнату, мы получили от государства и переехали в новую двухкомнатную квартиру на улице маршала Голованова. Всё бы хорошо, но он стал злоупотреблять выпивкой. Как-то, забыв ключи дома и будучи нетрезвым, попытался с соседнего балкона перебраться в свою квартиру. Упал. Как ещё не разбился на смерть. Только сломал ногу. Долго болел, лечился, но умер.

Света выросла, вышла замуж, родила детей, окончила институт параллельно с работой. Теперь у меня два замечательных внука Иван и Данила. Один увлекается техникой, а второй неплохо играет на скрипке... Впрочем пусть они сами расскажут о себе, когда вырастут.

Тане же предоставляю слово прямо сейчас.

Бывают ли на свете чудеса?

Как ни странно, я себя практически не помню маленькой. Наверное, я недостаточно стара, чтобы это помнить. Ведь врачи говорят, что старики помнят то, что с ними было давно, а того, что было вчера – не помнят. Так что я состарилась только наполовину – не помню, что было давно также, как и то, что было вчера. Поэтому, позволю вам рассказать то, что помню по рассказам родителей и братьев.

В начале войны, когда немцы уже приближались к Москве, папа приехал за нами в деревню в дальнее Подмосковье и предложил уехать всем в эвакуацию. Мы, мама, я, мой шестнадцатилетний брат Виктор и мои двоюродные сестры-двойняшки двух с половиной лет, гостили в двухстах километрах от Москвы в деревне у бабушки с дедушкой. Папа считал, что если мы все будем вместе, то ему будет спокойнее за нас, на фронте.

Однако бабушка, увидев вещий сон, который я описывала ранее, воспротивилась отъезду, сказав: «Немца здесь не будет и нам с дедом незачем уезжать отсюда, оставляя дом и хозяйство!»

Когда папа вывозил нас из деревни в Москву, мне казалось, что над нами кружит фашистский самолет, противно воя.

Несколько дней мы пробыли в затемненной, подверженной налетам немецких самолетов Москве. Когда объявляли воздушную тревогу, мама не успевала нас троих одевать, чтобы вести в бомбоубежище, поэтому мы оставались дома, прятались под большой обеденный стол и там играли до отбоя...

Уезжали мы из Москвы, когда к Москве стягивались войска не только для обороны, но и для парада в честь очередной годовщины Октября – брат это вспоминал. Ехали мы на полutorке, крытой брезентом, в Пензу, куда машина везла кого-то по делам, захватили заодно и нас.

Ночи были холодные, ночевать просились в деревенские избы. В тяжелые времена люди сплываются и помогают друг – другу. Поэтому и нас пускали переночевать, хоть нас было шестеро, вместе с шофером. В тепле, за чаем, начинались расспросы: «Что, это все ваши?» – указывая на малышню.

«Да, мои, сыну шестнадцать, дочка, а эти двойняшки – сиротки. Мать умерла в роддоме, а отец, как и положено, на фронте. Всем им по два с половиной года».

Тут одна из женщин и говорит: «Попомни мои слова, за твою доброту все твои вернутся с войны!» Мама, не поверив, запричитала: «Такая война...». Но и это предсказание сбылось.

Вернулся с войны мой отец, хотя несколько раз был на краю гибели, вернулся старший брат, окончивший в июне сорок первого школу с отличием, но поступивший вместо запланированного ВУЗа в артиллерийское училище и распределенный, по его окончании в Подмосковье, оберегать Москву от налетов фашистских самолетов. Вернулся и второй брат, который ушел добровольцем на фронт, как только ему исполнилось восемнадцать... А вы говорите – чудес не бывает...

Мамины рассказы

Мой отец – Майоров Николай Иванович – кадровый военный, воевал в Первую мировую войну, в гражданскую, в финскую и в Великую Отечественную войну. Закончил войну с многочисленными наградами в звании гвардии полковника. Мама – Майорова Елена Степановна, пока не было детей, учительствовала, а как появились дети, стала обычной домохозяйкой на иждивении отца. Будучи военнослужащим, папа подчинялся приказам и служил там, куда его направляли, а вместе с ним переезжала и его семья.

Первый мамин ребенок – Ниночка – умерла от воспаления легких зимой 1921 года, а в 1923 года родился сын Владимир, в 1925 году – Виктор. Когда умерла Ниночка, папа служил в Песках под Москвой. Как-то к ним в дом пришел проверяющий из Москвы. Он увидел пустую детскую кроватку и спросил: «А где же ребенок?» Мама молча показала в окно, из которого было видно кладбище. Проверяющий посочувствовал и вскоре папу перевели в Москву. На все лето воинские части переводили в летние военные лагеря, где они продолжали военную подготовку в полевых условиях, а семьи командиров жили поблизости, иногда на территории гарнизона, а иногда и среди местного населения.

Однажды, прогуливаясь с ребятами, мама зашла в соседнюю деревню и спросила свою знакомую Валу. Оказалось, что Вали нет дома, и ее мать сказала, что ее можно найти в поле, куда она орать поехала.

– А что же она там орет? – спросила мама.

– Да, по-вашему, значит пашет.

В другой раз мама вышла на просеку, где еще трудились лесорубы. Мама хотела присесть отдохнуть на только что срубленную сосну, как вдруг ее остановил молодой парень-лесоруб: «Не садитесь, а то обсеритесь». Мама возмутилась: «Почему же я обсерюсь?» Лесоруб пояснил, что серой они называют смолу, а если замажетесь смолой, ее трудно очистить... Как-то в других лагерях мама пошла вешать выстиранное белье на чердак – так было принято. Чердак двухэтажного дома был высокий и к нему вела крутая лестница. За мамой увязался соседский малыш. Мама его пыталась остановить, говоря, чтобы он за ней не ходил, но малыш все лез и лез, но вдруг оступился и кубарем скатился с лестницы. У мамы, как говорят, сердце в пятки ушло: «Что же будет». Но малыш даже не ревел, поднялся и гордо сказал: «Во, как я умею прыгать!»

Еще мама запомнила такую сценку в парке, где гуляли молодые мамы с детьми. За одной из мамаш стал приударять молодой офицер. Ее сыночек играл в песочнице, но он помнил, что, уезжая в командировку, отец наказывал ему следить за мамой. Он так и сделал. Видя, как мать оживленно беседует с молодым человеком, он один раз позвал мать, потом второй. Никакой реакции, мать только отмахивается. Тогда сын заорал: «Мам! Я в штаны наклал».

Офицер смутился и удалился. Матери нечего было делать, как подойти к сыну. Но оказалось, что это была «военная» хитрость мальчишки, чтобы отогнать назойливого ухажера.

Мама с папой, будучи молодыми, наблюдали, как соседский мальчик, глядя в окно, говорил своей маме: «Вон Вася идет». Оказалось, что это был его отец. После этого мои родители решили обращаться друг к другу при детях «папа» и «мама».

Когда мы были в эвакуации в Пензе, с мамой произошел такой случай. Мама пошла на рынок за продуктами. Долго стояла в очереди и услышала, как кто-то, вспоминая довоенную жизнь, рассказывал, как вкусно было есть фаршированную утку или гуся. На что другой человек, вздыхая, ответил, что это сейчас он с удовольствием и по отдельности съел.

Уже с продуктами мама шла по рынку, в одной руке неся тяжелую сумку, а в другой дамскую, в которой, конечно же, были документы и деньги. Вдруг она услышала щелчок замка дамской сумочки. Обернувшись, она увидела мужчину, который лез в ее сумочку. Мама не рас-

терялась и строго сказала: «Прежде чем лезть ко мне в сумку, поинтересовались бы, сколько у меня детей». На что вор спокойно ответил: «А вы, гражданочка, не так сумочку носите». «А как же ее носить?» – «Под мышкой», – ответил вор и скрылся.

Помните фильм «Офицеры»? Так вот, некоторые говорят, что этот фильм почти про нашу семью: папа и братья воевали в Великую Отечественную войну. Племянник, его дочь и внук выбрали ту же профессию – «Родину защищать». Династия продолжается.

Папа и мама были красивой парой. Из-за занятости папы редко попадали в театр, и поэтому мама никак не могла «угнаться за модой»: все в длинном, а она в коротком платье и наоборот. Папа по этому поводу шутил, что она является законодательницей моды.

Фамилии бывают разные, иногда даже чудные, я, например, встречала такие фамилии, как Бабминдра, Педан, а в институте на факультете экономики сельского хозяйства деканом был Жеребилов, а общеэкономического – Озеров. У папы в части служил врач Кобылкин и у него была замечательная семья.

Но однажды, рассказал папа, молодые офицеры разыграли молодых людей: юноша представился девушке – Жеребцов, а она в ответ – Кобылкина. Так они и не поняли, настоящие ли это фамилии, и расстались.

Наша соседка по лестничной клетке рассказала маме, как ее обманула якобы глухонемая девушка. Соседка только что получила зарплату, а на улице к ней подошла девушка и знаками стала показывать, что ей нужна монетка, чтобы позвонить по телефону-автомату. Соседка показывает, что у нее нет мелочи. Тогда та сама лезет в сумку и перебирает купюры, убедившись, что там нет нужной монеты, уходит. И только дома соседка обнаруживает пропажу денег и соображает, что глухонемая не может говорить по телефону, а ей так было жаль эту симпатичную девушку.

Народная примета и вещий сон

Итак, мы оказались в Пензе. Нам, детям, все было интересно: увидев на улице недействующий фонтан с белой окантовкой, Таня воскликнула: «Ой, какой большой горшок!»

Как – то закончилась крупа и мама сказала: «Вот доедим кашу – и зубы на полку». «А как же мы их вынем? Они не вынимаются у нас!» – заметила маленькая Галя.

В эвакуации мы жили в коммуналке на втором этаже двухэтажного дома, в ближайшей к лестнице квартире. Как – то на этой лестнице поутру взрослые обнаружили храпящего крупного молодого человека. Нам, детям, он показался просто огромным, как дядя Степа. Им оказался молодой матрос, очевидно перепутавший лестницу с трапом.

Помимо этого происшествия, с нами было там много других замечательных событий. Два случая расскажу.

Как – то брат принес из колонки ведро воды и поставил его на скамейку. Вода была холодная, а ведро вдруг зашумело, будто его на горячую печь поставили. «К чему бы это?» – мама побежала к соседке. «Да это к вестям», – говорят ей.

И что вы думаете? Наутро я проснулась с плачем: «А где папа?» – «Как где, на фронте» – говорит мама. «Нет, он здесь был, а шинель его вот там висела!» – хныча, показываю на пустой гвоздь, вбитый в шкаф. Меня с трудом успокоили. Но уже этой ночью стучит в дверь соседка и говорит: «Вас там какой – то Николай Иванович спрашивает». Мама бросилась вниз по лестнице, внизу стоял мой отец. Он был в Пензе по делам и заехал нас навестить. Все произошло так, как было во сне. Мама боялась, что я могу испугаться, увидев отца, но я только обрадовалась – папа был рядом и шинель его висела на гвозде...

Сочинение ко Дню Победы

Мой прадед Майоров Николай Иванович (1897 – 1980 гг) – ровесник маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова – и его сыновья, а мои дедушки Владимир Николаевич (1923 – 2000 гг) и Виктор Николаевич (1925 – 2005 гг). принимали участие в Великой Отечественной Войне.

Когда наша семья – дедушки, бабушки и мама с папой собирались за праздничным столом 9-го мая, они вспоминали тех, кто защитил нашу страну от фашизма. Вот некоторые истории биографии моих родственников.

Как важно быть смелым

Мой дед Владимир, еще когда учился в школе, мечтал быть, как и его папа, военным.

Мой прадед Николай воевал еще в Первую Мировую войну 1914-го года, потом и в Гражданскую, на стороне рабочих и крестьян, за красных.

Директор школы, в которой учился Володя, не хотел, чтобы отличник первого выпуска новой школы шел в военное училище и даже вызывал в школу его маму, чтобы она отговорила сына от военной карьеры, ведь он, как отличник, имел право поступить без экзаменов в любой ВУЗ.

Володина мама по совету директора написала отцу в командировку о перспективе безэкзаменационного поступления сына, но он одобрил решение сына быть военным.

В июне 1941 года по окончании школы, Володя поступил в военное артиллерийское училище, которое в начале войны было переведено в Пензу. Володя, как и многие мальчишки в ту пору, мечтал быть летчиком, но его не пропустила военная медкомиссия, так как он оказался дальтоником. Тогда и решил он пойти в артиллерийское, чтобы сбивать самолеты врага.

В начале войны погибло много солдат и командиров, армии срочно требовалось пополнение, тогда в училище было решено провести ускоренное обучение молодых командиров для отправки на фронт. Курсанты, как и Володя, хорошо учились и стремились скорее попасть на войну, бить врага. Это был первый выпуск военного училища, и первых, лучших выпускников направили на защиту Москвы. Их зенитки стояли в окрестностях подмосковных деревень, чтобы сбивать самолеты противника на подступах к Москве.

Во второй выпуск училища попали те ребята, кто в столь короткие сроки не успел или не захотел усвоить материал, нужно было хорошо знать кроме всего прочего высшую математику и тригонометрию. Второй выпуск попал в более тяжелые условия – в действующую армию.

И, наконец, в третий выпуск попали те, кто отлынивали от учебы, трусили, говорили, что не понимают ничего, думая, что они отсидаются в тылу. Но их послали на фронт уже не командирами, а в десант, и почти все они погибли...

Ведь недаром в песне тех лет пелось:

«Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет,
Смелыми Сталин гордится,
Смелого любит народ!»

Война – дело страшное и жестокое, но и на войне люди шутили и смеялись. Так, однажды, Володя прислал письмо-треугольник бабушке Тане, маме и девочкам, в котором шутил:

«Мне выдали сапоги, которые были маловаты, но спасибо мышам, их в землянках предостаточно, – они прогрызли дыры, пальцы теперь торчат наружу и сапоги впору...». А еще у бабушки хранится открытка от прадедушки Коли, в которой он в завуалированном виде сообщил, где он находится, ведь во времена войны не писали точных адресов, а только номер полевой почты. Их часть стояла под Старой Руссой, а он писал в письме: «Помнишь ли ты старую бабушкину русую косу?»

На лицевой стороне открытки, там, где пишется адрес, были портреты великих русских полководцев: Дмитрия Донского, Александра Невского, Александра Суворова, Михаила Кутузова со словами: «Пусть окрыляют Вас в бою победы русских полководцев...»

На обратной стороне открытки, где был текст, стоял штамп: «Проверено военной цензурой».

Как важно быть дисциплинированным

Как-то Володя, старший лейтенант Майоров, стоял на боевом посту возле своего оружия. Вдруг, неподалеку от него приземлился небольшой самолет с нашими опознавательными знаками, звездами. Он приземлился так близко, что сквозь стекла можно было рассмотреть лицо пилота, сидевшего неподвижно, в шлемофоне и больших авиационных очках. Второй пилот выскочил из самолета и балагурил на чисто русском языке: «Эй, лейтенант, не хочешь ли посмотреть на свои укрепления сверху?»

«Заманчиво», – подумал Володя. Но поглядев на часы, сказал: «У меня еще два часа до окончания дежурства, так что сейчас – никак не могу».

На следующий день вышел приказ по армии, что нужно быть бдительными, а не разгильдяями. Оказывается, на нашем самолете прилетали немцы и с какой-то батареи, таким образом, взяли бойца в плен.

А у бабушки Нины сохранились документы первых послевоенных лет – справки и контрольный талон на август 1945-го года для получения карточек на хлеб, молоко и промтовары, вплоть до отмены карточек в декабре 1947 года. Если интересно, я их покажу.

Дорога домой

Когда-то все работали по шесть дней в неделю. Поэтому, чтобы навестить родителей, которые на все лето, а то и на шесть месяцев уезжали в деревню подышать свежим воздухом, мне приходилось отпрашиваться с работы пораньше в субботу и еще на понедельник. Папа – офицер советской армии – был на пенсии, а мама, вырастившая троих детей, была на его иждивении. Папа очень любил возиться с землей: он выращивал в Подмоскowie не только картофель, огурцы, помидоры, тыквы и кабачки, но и арбузы и даже виноград, напоминающий по вкусу Изабеллу, – куст этого винограда привез из Одессы его дядюшка Майоров Константин Михайлович. Папа не ленился ежегодно прикапывать его на зиму землей, а весной откапывать. Дорога к родителям в деревню была достаточно трудна. Электричка всегда была переполнена и все четыре часа до Каширы приходилось стоять. Затем надо было ухитриться попасть в единственный вечерний девятичасовой автобус, едущий в сторону Серебряных Прудов, а затем от остановки Косяевская больница пройти пешком около двенадцати километров. Так называлась остановка, хотя больницы тогда уже не было, хотя помню, что в детстве дедушка меня туда возил на телеге к фельдшеру.

Итак, моя дорога от Каширы. Представьте себе, что вы добегаєте от электрички до автобуса, а он уже переполнен. Людей же перед ним в очереди еще на целый автобус. Последний по расписанию автобус уезжает в двадцать один час. Что же нам делать? Люди бегут к диспетчеру на автостоянку. Там обещают дать еще автобус, но все в разгоне. Ждите. Вот мы и ждем с двадцати одного до двадцати трех.

Все набиваемся в наконец поданный автобус. Примерно через час выхожу на своей остановке. Когда светит месяц, то дорога кажется сносной. От остановки автобуса надо идти проселочной дорогой вдоль опушки леса, потом через поселок Косяево, затем полем до Колеймино, через Колеймино (по-деревенски через Климины), снова полем и ты уже дома у родителей. Как все легко на бумаге... А теперь представьте: луна скрылась за тучами, темень, и вы в незнакомой деревне, где нет уличного освещения и огни в избах почти все погашены – это не город, где «жизнь» ночью только начинается. Тут строгий распорядок: подъем в четыре часа утра – дойка коров (теперь фермы почти все ликвидированы), а в то время в шестидесятые годы по велению Н.С.Хрущева личные подсобные хозяйства также были ликвидированы. У мужиков тоже тяжелая жизнь: то пахота, сев, уборка хлебов, заготовка сена, силоса, ремонт тракторов, а после работы забота о своем огороде...

Неужели они будут допоздна сидеть? Разумеется, они рано ложатся спать. Только молодежь куролесит где-нибудь на танцах.

Однажды мне пришлось заночевать у совсем незнакомых людей – они просто вошли в мое положение. Но несмотря на их доброту, я почему-то нервничала и не сомкнула глаз до рассвета, пока не стало видно дорогу, и я отправилась в свою деревню. Другой раз, когда я уже дошла до Колеймино, была такая темень, хоть глаз выколи. Куда идти? Вдруг услышала где-то разговор. Кричу, надеясь получить ответ. Мне кажется, что мне что-то отвечают, но что не пойму. Опять кричу, еще и еще – тот же результат. Тут я поняла, что мне «отвечает» эхо. Тогда я в полной темени пошла на голоса и вышла к ферме, возле которой сидела женщина-сторожиха. Она почему-то меня испугалась и крикнула своего напарника из помещения фермы. Тот вышел и стал меня расспрашивать, куда мне надо. Услышав куда, предложил переночевать. Но я, помня, как не сомкнула глаз, отказалась. И попросила проводить меня до цистерн в поле. Мне казалось, что оттуда я найду дорогу. Он меня ведет, как вдруг навстречу нам машина с молодежью, возвращающейся с танцев. Мужик останавливает шофера и тот обещает, что на обратном пути отвезет меня до дому. Я не очень поверила и мы продолжили путь. Вдруг нас догнала машина и шофер предложил мне залезть в кабину. Почему-то я с трудом залезла в нее

и мы поехали. Темень. Вдруг он останавливает машину возле леса и спрашивает: «Узнаешь?» Я отрицательно мотаю головой. Проехали еще немного – опять та же история. «Ладно, сам довезу», – говорит парень. И правда довез. Было уже два или три часа ночи. Родители только что легли и поэтому сразу вышли на стук. Шофер попросил только ведро воды – вода в радиаторе закипела, а папа дал ему еще бутылку водки – такая была такса за многие услуги.

Как-то по дороге к родителям со мной произошел такой случай: поехала первой электричкой, в Кашире спокойно села в автобус и доехала до Косяево. Однажды местная женщина показала мне более короткую дорогу от автобусной остановки: надо было идти не проселочной дорогой, а тропинкой через лес. Сошла с автобуса, иду к лесу. Чуть поодаль на опушке стоит трактор и два тракториста мне что-то кричат. Я не поняла, что и не обратила на это внимание, подумав, что они просто заигрывают со мной. Когда я уже выходила из леса в деревню, мне навстречу шла женщина с двумя детьми, которая меня спросила, не встретила ли я кого по дороге.

Я спокойно ответила, что нет, так как подумала, что или ее кто-то обогнал, или она идет кого-то встречать с автобуса... Тогда она мне рассказала, что рано утром была облава на преступника, бежавшего из тюрьмы и изнасиловавшего в лесу молодую женщину. Но меня Бог миловал... Конечно после ее рассказа мне было страшновато ходить этой дорогой, тем более, что моя первая проводница, как-то встретив меня, поведала, что и ее – местную как-то напугали чужие парни так, что она заблудилась в лесу почти возле своего дома. Но другой дороги для меня не было, так что побаивалась, но шла.

В другой раз я вышла из автобуса и со мной еще один пассажир. Вместе мы вошли в лес и он стал меня расспрашивать, не страшно ли мне идти лесом. Тогда я ответила ему фразой, услышанной только вчера в какой-то пьесе по телевизору: «А чего мне бояться, я же с вами иду». Вопрос и ответ повторялись несколько раз, пока мы не вышли из леса.

Помните, как я описала случай, когда ночью пыталась пройти мимо баков в поле к родителям в деревню. Так вот как-то я заблудилась даже светлым днем. А было так: я уже дошла с тяжелым рюкзаком до этих цистерн. В это время на поле работали трактористы. Вдруг меня догоняет молодой человек на мопеде. Я тогда не знала, что это мопед. Я прошу молодого человека мне помочь. Почему-то я думала, что он погрузит рюкзак на мопед, а сам пойдет рядом со мной – я ему объяснила, куда я иду. Но парень взял рюкзак, вскочил на мопед и укатил. Я испугалась, ведь в рюкзаке были продукты, деньги и документы. Я решила пойти не дорогой, а ему наперерез. И оказалась в незнакомой местности на перекрестке трех дорог. Куда идти? Вдруг навстречу мне на мотоцикле с коляской едет мужчина. Когда он приблизился, я узнала соседа по деревне тракториста Алексея Ивановича Скалина. «Что ты тут делаешь?» – спросил он. Оказывается я ухитрилась добежать до соседней деревни... На его вопрос я ответила вопросом: «А вы не видели парня с рюкзаком на... или может он привез рюкзак к моему дому?». «Нет, – отвечает сосед, – я только что оттуда, никого у нас в деревне не было. Садись, подвезу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.